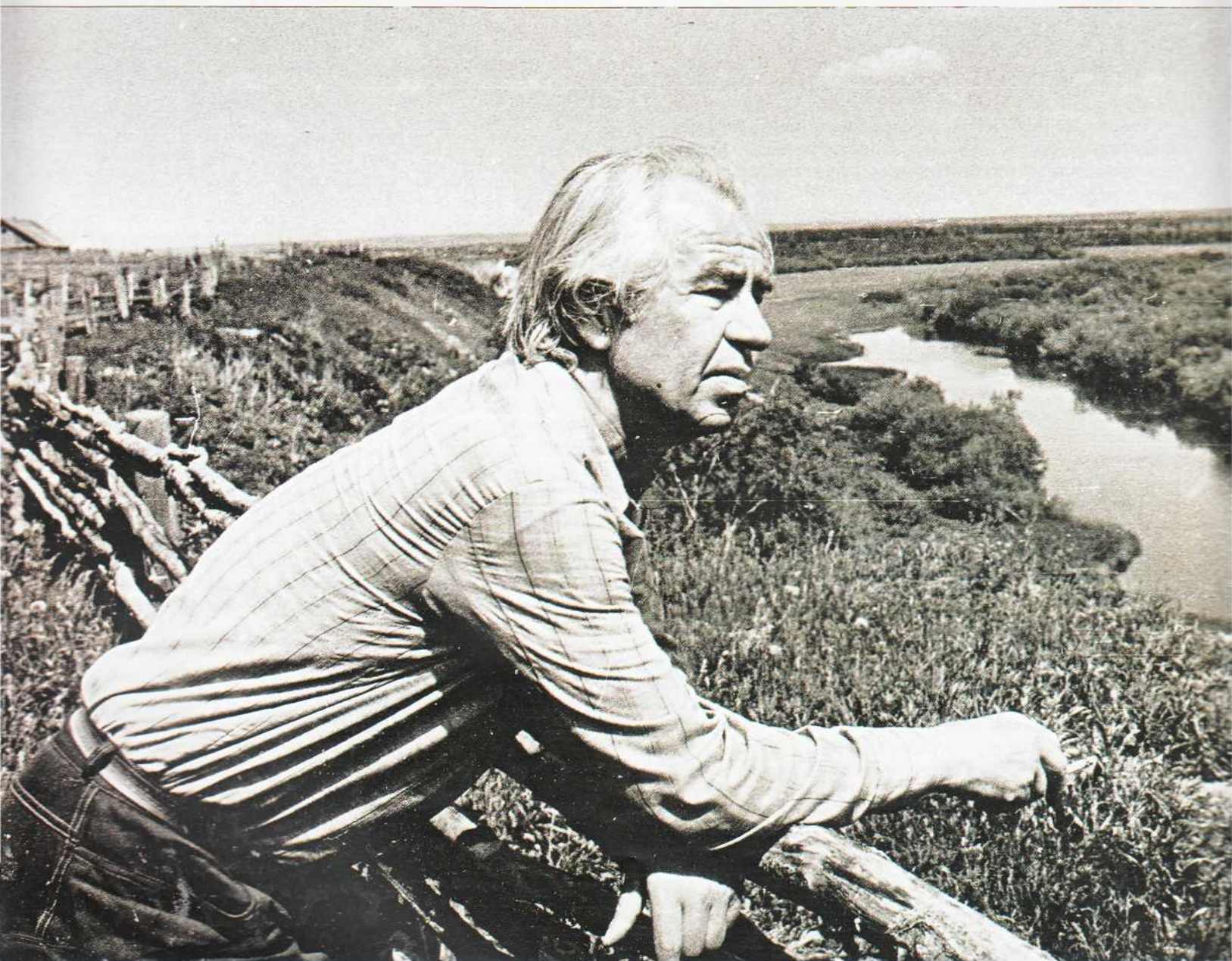

Василий Ф

- ...Моё имя с Росней хорошо
рифмовать!

Валерий ЯЗОВСКИЙ
Фото из архива автора

Василий Федоров на малой родине в селе Марьевка Яйского района

С поэтом — одними тропами

2018 год (в этот год 23 февраля нашему знаменитому земляку исполнилось 100 лет со дня рождения) в Кузбассе объявлен Годом Василия Федорова. Уже с января в регионе проводятся различные мероприятия, посвященные памяти выдающегося поэта России, лауреата Государственных литературных премий РСФСР и СССР. Но венцом этих торжеств, конечно же, являются традиционные Федоровские чтения, которые проходят ежегодно с 1985 года. Вот и нынче 30 июня в селе Марьевка Яйского района, на малой родине Василия Федорова, прошел очередной литературный праздник, посвященный его столетнему юбилею. Кроме кузбасских литераторов и почитателей творчества Василия Дмитриевича, на Федоровские чтения приехали гости из Омска, Томска, Новосибирска, Бийска... В сельском музее В. Д. Федорова в тот день открылась новая экспозиция, работала площадка, где любой желающий мог прочитать любимые стихи поэта, выступали перед собравшимися победители областного и районного конкурсов поэзии, именитые поэты и писатели. Митинг у дома Василия Федорова на Назаркиной горе, концертная программа, экскурсии к памятным и любимым местам поэта, работа праздничного Арбата с демонстрацией лучших образцов декоративно-прикладного творчества народных мастеров, гала-концерт — такие мероприятия также вызвали интерес у участников литературного праздника. О том, насколько достойно он был организован, и в чем, возможно, были его недостатки, пусть теперь судят критики, литераторы и организаторы чтений. Мне же, как земляку поэта, знавшему его с 70-х годов прошлого века, в эти дни пришли на память ситуации, связанные с именем Василия Дмитриевича. С некоторыми из них впервые решил поделиться с читателями журнала «Кузбасс XXI век».

Поэт мне позировал у мотоцикла

В 1974 году мне исполнилось 12 лет. Брат Саша на день рождения привез из Томска по тем временам царский подарок: фотоаппарат «Смена», фотоувеличитель, фонарь, ванночки и химреактивы для проявки фотографий, фотобачок для пленки да еще несколько пачек фотобумаги, коробочки с фотопленкой. Это он торжественно выгружал из огромной сумки, рассказывая, что это такое и что с этим нужно делать. После небольшого ликбеза по незнакомым мне предметам подарка я начал терзаться, как бы мне скорее научиться фотографировать и у кого. Брат-то подарил и уехал, оставив на летних каникулах наедине с подарком. На помощь пришла мама:

— Пойдем завтра со мной за переезд, на улицу Октябрьскую, — сказала она, — познакомлю тебя с на-

стоящими фотоаппаратами, может, они возьмутся тебя обучить.

Так я впервые оказался в небольшом домике приветливой супружеской пары, супругов Худяковых. Хозяйка работала фотографом в службе быта, а глава семьи Дмитрий был известным в то время в Яйском районе журналистом, краеведом и фотографом. Встретили они меня гостеприимно, дали несколько практических уроков по фотоделу, наказали, чтобы приходил к ним, если что будет непонятно.

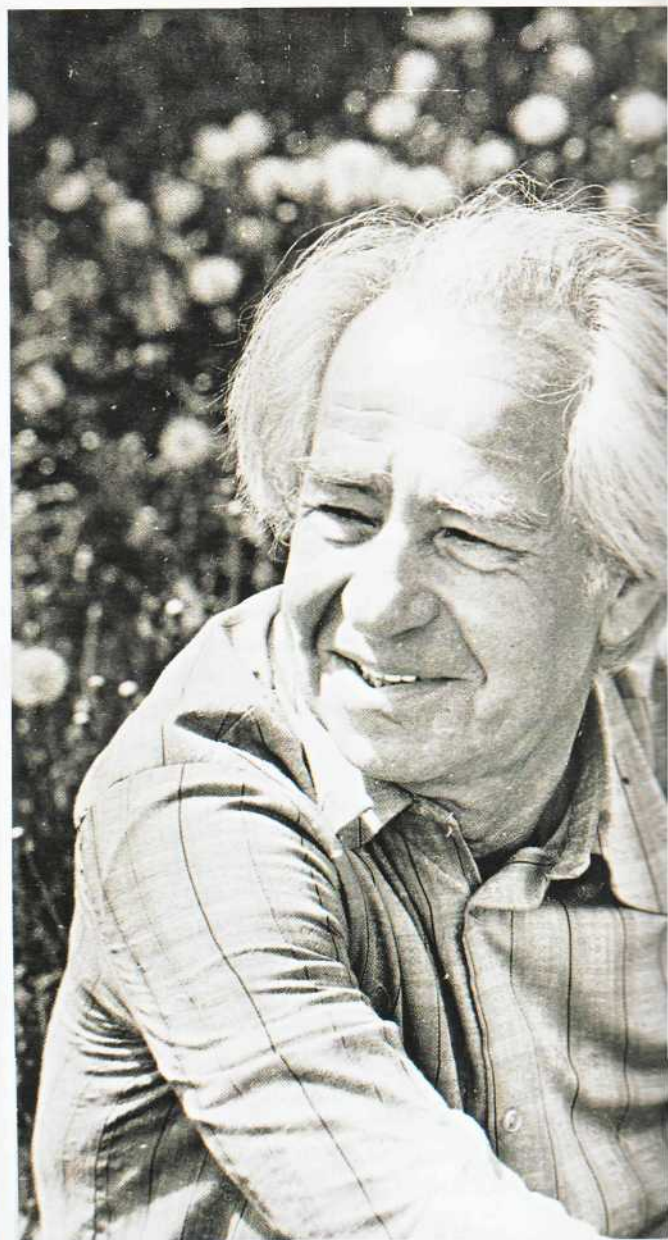
Частенько, если что-то не получалось, прибежал к Худяковым. Помню, как в один из выходных дней (дело уже было осенью) я со своей «Сменой» пришел к своим наставникам, которые в то время учили меня работать с фотоэкспонометром «Ленинград». У дома Худяковых стоял мотоцикл «Урал», что в те годы было для нашего поселочка диковинным транспортом, как, примерно, сейчас для Яи был бы автомобиль «Мерседес» представительского класса. И я его, конечно, сразу же начал фотографировать с разных сторон. Залаяла собака, из дома вышел дядя Дима и с ним приветливый мужчина в годах: высокий, с разлохмаченным чубом и с дымящейся сигаретой. Как мне сказал дядя Дима, это его давний друг, московский поэт, сейчас он отдыхает в Марьевке, ну и к нему приехал в гости. Дядю Диму с московским поэтом я тогда тоже сфотографировал у мотоцикла. Потом пошел в дом, там был накрыт стол, от которого я их оторвал своим визитом, на столе лежали книги, бумаги. Видно, что собеседникам было не до меня. Да я и сам это тогда понял и поспешил домой, чтобы скорее проявить пленку, и больше всего мне был интересен тогда не московский поэт, а его мотоцикл «Урал». Пленку ту подзасветил, заряжая в фотобачок, — свет предательски проник из щелей окна на кухню, где оборудовал фотолабораторию. Негатив после проявления покрылся вуалью, и, сколько ни мучился, так и не смог ничего с него напечатать. Особенно сожалел, что не получились кадры с мотоциклом, а вот про московского поэта, который, как позднее узнал, был тогда уже давно известный Василий Федоров, тогда и не думал. Оказалось, что поэт, чьи стихи переведены в 14 странах мира, стал одним из первых моих объектов неудавшейся фотосъемки.

Сейчас понимаю, насколько был красив Василий Дмитриевич на шестом десятке лет, но вновь встретиться с ним, ближе познакомиться, пообщаться и сфотографировать мне удалось лишь спустя несколько лет. Всю мощь его таланта осознал только после того, как начал взрослеть, набираться ума-разума, читая запоем книги и ближе знакомясь и с ним, и с его творчеством.

Причем сам тогда забросил навсегда писать свои юношеские стихи, которые показались мне никудышными по сравнению с федоровскими.

ВАСИЛИЙ
ФЕДОРОВ

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
ПРАВЛЕНИЕ МОСКОВЕКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА

Протокол № _____ § 6 от 11 октября 1956 г.

ОБЪЕДИЛИ - 6: Постановление Приемочной комиссии при Президиуме ЦО СП СССР о приеме в члены Союза писателей поэта Федорова Василия Дмитриевича. Рекомендует в члены СП т.г. С. Шапачев, С. Васильев, К. Ваншенкин и Бюро секции поэтов.

/т. О.Н. Писаржевский/.

В обсуждении приняли участие: т.г. Л.И. Ошанин, Н.Я. Ваншенкин, В.Н. Соколов, Е.А. Долматовский.

ПОСТАНОВИЛИ: Принять в члены СП СССР ФЕДОРОВА Василия Дмитриевича.

Выписка верна: *Л. Давыдов*

ПОСЛАНО:

Тел. Отд. Распр. 85/0411. Э. 175-10000

„Кадры решают все“ (Сталин).

Народный Комиссариат
Оборонной промышленности
С. С. С. Р.

Освоение: Постановление ЦКК СССР от 19/IX 1932 г. об учебных программах в высшей школе и техникумах, в. 10, глава III (особ. вып. ЦСР № 10).

ДИПЛОМ

Настоящий диплом выдан *Евгений Иванович* гражданину *Федорову В.Д.* родившемуся *27* числа *11* мес. *1938* года в том, что он окончил курс обучения в *2* мес. *1956* года по специальности *Курсы повышения квалификации*

Гр. *Федоров В.Д.* защитил в государственной квалификационной комиссии дипломную работу на тему *проблема интенсивности отг. транспорта* с оценкой *„Хорошо“*

На основании постановления государственной квалификационной комиссии от *19* числа *1956* года и приказа по *Новосиб. атом. техникуму* от *21* числа *1956* за № *56* гр. *Федоров В.Д.* присвоена квалификация *Машинист по качеству транспорта* *специалистом*

Директор техникума *И.Т. Тарасов*
Зам. директора по учебной части *Н.Т. Тарасов*

Место печати

Ему было непросто в мире первым быть

Первая книга стихов Василия Федорова попала мне в Яю из Москвы. Второй мой брат Анатолий в семидесятых годах учился в столице в погранучилище. Однажды на каникулы привез из Москвы зачитанную книгу стихов и сказал, что очень правильные там строки, жизненные, это как цитатник был им, курсантам, на все случаи жизни.

— А поэт-то Федоров, он ведь наш, из Марьевки, где мы с тобой пескарей на речке Яе ловили, — там и дом его, там он и стихи свои летом пишет, а зимой в Москве живет, на Кутузовском, — подчеркнул Анатолий.

— Да знаю его, фотографировал и этого поэта, и его мотоцикл в Яе, только вот фотки не вышли, — ответил я Анатолию.

Рассказал, что Федоров еще и печатается в районной газете, где и я тоже (еще в школьные годы) публиковался с небольшими заметками, фотоэтюдами на темы природы и стихами. И мне тоже его стихи нравятся, некоторые я даже вырезаю и в тетрадку наклеиваю.

Пока брат отдыхал на каникулах, я книгу стихов Федорова не только перечитал, но и некоторые, наиболее понравившиеся, переписал. Помню, что особенно меня взволновали тогда такие строки, которые и по сей день часто в минуты радости или отчаяния крутятся в голове:

*Наше время такое.
Живем от борьбы до борьбы.
Мы не знаем покоя,
То в поту, то в крови наши лбы.
Ну, а если до ста не придется дожить,
Значит, было непросто
В мире первыми быть.*

Именно в те годы ко мне и пришло настоящее понимание величины космического таланта мудрого провидца и доброго наставника Василия Дмитриевича Федорова, с его ненавязчивым, но назидательным стихотворным словом и отношением к жизни.

Старые негативы как подарок к столетию Федорова

Забегая вперед, расскажу, что, когда я уже учился в Томском университете на журналиста и в начале 80-х годов прошлого века работал в Яйской районной газете журналистом, не расставаясь с фотоаппаратом, мне еще несколько раз пришлось встречаться и общаться с Василием Дмитриевичем — в редакции, куда он непременно заходил, приезжая в Марьевку, и где нередко оставлял свои стихи для публикации, и в непринужденной, дружеской обстановке у него дома на Назаркиной горе. Познакомился в те годы и с его замечательной, миловидной и приветливой супругой Ларисой Федоровной. Одна из таких встреч в Яе осталась особенно яркой в моих воспоминаниях. Теперь понимаю, что и для поэта она была значимой, это ведь был его своеобразный творческий отчет перед земляками. Как оказалось, он стал последним в его жизни.

В августе 1980 года в Яе, у клуба лесоперерабатывающего комбината, читаю объявление о творческой встрече с поэтом Василием Федоровым. В то время у меня уже был более серьезный фотоаппарат «Киев-4». Пользуясь личным знакомством с поэтом, снимал его

тогда в разных ситуациях: неформально в фойе перед выступлением, во время перекуров с местными руководителями, в кабинете директора клуба, на сцене... Пленка КН-3 была в то время популярной у фотокоров, но вот фотовспышки, к сожалению, с собой не оказалось. Поэтому из-за скудного освещения не все кадры получились и не все в свое время были отпечатаны. В память о той встрече Василий Дмитриевич в кабинете директора клуба подписал и подарил мне книгу своих стихов, одну из последних на то время. Я ему спустя несколько дней передал некоторые фото с того памятного вечера.

А совсем недавно я разбирал старые архивы на своей даче, выбрасывая ненужные бумаги. Вдруг из вороха рукописей неожиданно выпала фотопленка, с разрезанными по четыре кадра негативами. Найденные негативы показал поэту Александру Кочеткову, председателю комиссии по литературному наследию В.Д. Федорова при Союзе писателей России. Тот, изумленный, заявил, что это словно подарок всем почитателям творчества поэта в год его столетия. Как он выяснил, на том литературном вечере я, оказывается, был единственным фотографом, запечатлевшим Василия Дмитриевича. Вскоре поэт заболел и больше на массовых мероприятиях не появлялся. Найденные негативы, на которых запечатлен поэт во время творческого вечера в Яе, теперь переданы в Госархив Кемеровской области.

Загадки и разгадки

На своей малой родине, в селе Марьевка Яйского района, поэт оставил о себе не только добрую память, но и тайны, некоторые из них его земляки до сих пор пытаются разгадать. И я, как могу, им в этом помогаю. Как-то работник музея в Марьевке разбирала экспонаты экспозиции, связанные с именем поэта, и решила заглянуть в старый фамильный самовар семьи Федоровых. Однако крышку поддалась не сразу. Когда же она, намучавшись, все-таки открыла старый самовар и заглянула внутрь, то нашла там листок бумаги, который от времени уже начал рассыпаться. По мнению музейщиков, он пролежал там примерно четверть века, а на нем рукой поэта было написано четверостишие:

*Пусть будет он тебе союзник
И жарким летом, и зимой.
Почаще пей чаек с вареньем.
Варенья нет, то пей с женой.*

Кому именно Василий Дмитриевич мог посвящать это шуточное стихотворение, пока так и остается неизвестным...

На добрую память

А вот тайну металлического сейфа, который почти четверть века после смерти поэта стоял запертым в углу комнаты его домика в Марьевке, мне удалось раскрыть. Произошло это около десяти лет назад.

Музейщикам, биографам, литераторам давно хотелось узнать, что же оставил после своей смерти в своем сейфе Василий Дмитриевич. Может быть, какие-то сенсационные завещания или секретные документы? А может быть, драгоценности? На этот счет тогда строи-

Дог. Василий Федорова & Кузбассе

лись самые невероятные догадки. Но сейф был заперт на такие надежные засовы, что за все годы не нашлось «медвежатника», который бы его вскрыл. Ключ от него тоже не могли отыскать. И вот у местных любознательных хранителей наследия поэта кончилось терпение терзаться догадками. Накануне 90-летия со дня рождения поэта они при помощи «болгарки» срезали двери сейфа и на первый взгляд ничего сенсационного в нем не обнаружили. Хранились там рукописи стихов, которые уже были известны читателям, лекарства, которые Василий Дмитриевич принимал во время болезни. Травки, ими супруги Федоровы лечились, и рецепт народного средства для успокоения нервов. А также весьма редкое издание поэмы «Седьмое небо», которого тогда не было даже в музее поэта, подписанное 14 августа 1983 года: «Тане и Анатолию Арышевым на добрую память о встречах». Арышево — такое есть село рядом с Марьевкой, и там большинство жителей носят фамилию Арышевых. Но кто же они, те самые Арышевы, так и не успевшие получить книгу, им подписанную, из рук великого поэта?

Я провел собственное журналистское расследование. И вычислил, кто же мог быть этими таинственными Татьяной и Анатолием Арышевыми, которые четверть века назад так и не получили книгу «Седьмое небо» с автографом автора. Вспомнил, что был такой книголюб Анатолий Арышев, он и родом из села Арышево, работал одно время в районной газете фотокорреспондентом и жил в Яе. Анатолий очень любил поэзию, в том числе и творчество Федорова, в 1989-м трагически погиб. А его вдова Татьяна Арышева по сей день живет в Яе, работает школьным библиотекарем. В 1980-м году в Яе на последнем литературном вечере встречи земляков с Василием Дмитриевичем, который проходил в клубе лесокombината, Татьяна была ведущей этого мероприятия. Я ей тут же позвонил и рассказал историю о найденной книге из сейфа поэта.

— Меня просто в жар бросило от твоего рассказа! — воскликнула Татьяна Сергеевна, когда услышала эту историю. — 14 августа 1983 года — это до сих пор памятный день для меня, словно вчера это было. Именно тогда мы с мужем Анатолием и маленькой дочуркой приезжали к нему в гости. Помню, что Василий Дмитриевич в тот день ремонтировал мотоцикл. Очень нам обрадовался! Анатолий передал хозяину его фотографии. Он много раз в то время фотографировал поэта в Марьевке, и Василию Дмитриевичу нравились эти фотографии.

А в тот день мы провели в гостях у Федоровых почти весь день. За столом много говорили о жизни, о воспитании детей. Нас угощали блинами, похлебкой из утки и поили родниковой водой. А потом на память подарили ложку, которой наша дочка с большим аппетитом хлебала утиную похлебку. Та ложка до сих пор хранится у меня, как бесценная память о великом человеке. И еще — сборник стихов, который также подписан Василием Дмитриевичем 14 августа 1983 года. Почему в сейфе нашли еще и поэму «Седьмое небо» с такой же дарственной надписью для нас и датированной тоже этим же днем, 14 августа 1983 года, я не могу сказать. Наверное, это так теперь и останется загадкой. Может быть, хотел ее нам передать позже? Или просто забыл подарить в день того памятного визита? Ведь уже через несколько месяцев он умер...

Поэт пил воду только из любимого родника

В Яйском районе и сейчас есть немало родников, которые в народе славятся целебными свойствами. А из родника, что в селе Марьевка у подножия Назаркиной горы, куда сейчас обязательно приходят многочисленные поклонники поэта, многие годы, будучи в Марьевке, каждый день пил и умывался Василий Федоров. Считал, что вкуснее и свежее той воды даже в столице ничего не пробовал. Гостей, которые заходили в его домик на огонек, тоже всегда старался угостить родниковой водицей. И сегодня многие марьевцы берут из того же родника воду не просто чтобы утолить жажду, но и для домашних заготовок: говорят, что огурцы и помидоры, на ней законсервированные, долго не портятся и очень вкусные. Также в Марьевке есть поверье, что эта ключевая вода исцеляет от пьянства. Некоторые жители Яи и Анжеро-Судженска до сих пор приезжают в Марьевку специально, чтобы умыться из этого родника, вдоволь водицы напиться да еще и набрать ее впрок. Уверяют, что она омолаживает и силы дает.

Чтобы помнили

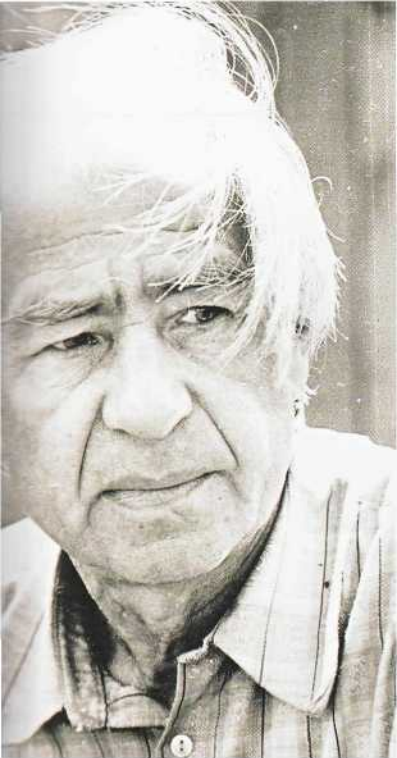
В нынешнем году я написал сценарий документального фильма о Василии Дмитриевиче, где поэт предстанет многими неизвестными прежде сторонами своей жизни в Москве и на своей малой родине в Кузбассе, отраженными в воспоминаниях земляков, литературоведов, его учеников, собратьев по перу, документами и хрониками. Работаем мы над этим проектом совместно со столичным режиссером и сценаристом Сергеем Русаковым, моим другом, он наш земляк и большой поклонник творчества поэта. Надеемся, что работу над фильмом удастся завершить уже в этом году. Режиссер, как и некоторые мои земляки, интересуется, каким был в жизни Василий Дмитриевич, с кем дружил, чем жил, когда приезжал в Марьевку. Я знал круг его общения, а мне поэт наполнился своей естественной природной красотой, мощью: высокий, худощавый, немного нескладный, взъерошенная седая шевелюра и обязательно дымящаяся сигарета в одной руке и очки — в другой. Мне кажется, что у него не было близких друзей, но было много приятелей. Поэт был приветлив и внимателен к каждому, с кем встречался. Но чаще — все-таки задумчив и замкнут:

...Закрывай, Василий, душу, Не выстуживай себя...

И в этих строках тоже весь гениальный Федоров и его непростой характер.

Марьевцы вспоминают, что их знаменитый земляк мог запросто присесть с любым сельчанином на лавочку, поговорить о разных бытовых делах, угостить сигареткой с фильтром, выпить рюмочку-другую самогона за компанию, попросить помощи подремонтировать в домике печь или мотоцикл, который часто у него ломался.

Мне удалось встретиться с Василием Дмитриевичем в Марьевке и во время болезни, незадолго до его ухода в 1984 году, он тогда только что перенес сложную операцию и набирался сил, готовясь к очередной. Однако во встрече не отказал, расспрашивал о жизни в районе, о местных поэтах, о делах в редакции. Тогда же я получил от него мудрый совет, которым стараюсь

пользоваться всю жизнь. Зная, что поэт многие свои известные поэмы и стихи написал именно в Марьевке, я, показывая на разложенные на его столе рукописи, спросил: «Не секрет, Василий Дмитриевич, над чем сейчас работаете?». А он ответил, как наказал: «Больной человек не может ничего доброго сделать! Ни в творчестве, ни в другой работе. Запомни: если нездоров, не нужно браться за работу, ничего хорошего из этого не выйдет! Поэтому сижу да бумажки перекладываю...»

Сегодня литераторы отмечают, что Василий Федоров был одним из самых великих, совестливых русских поэтов второй половины двадцатого века. И не случайно его знаменитое стихотворение называется «Со-весть»:

*А ведь сердце веселое
Миру я нес,
И душой не кривил,
И ходил только прямо.
Ну а если я мир
Не избавил от слез,
Не избавил родных,
То зачем же я, мама?*

В Марьевку!

То, что Василий Федоров жил в творческих и душевных терзаниях, сомнениях, это можно понять, прочитав

его проникновенные, волнующие строки. А Марьевка, малая родина, была для поэта как источник вдохновения, она его питала силами, излечивала от многих сомнений, наставляла на душевное равновесие.

— Поздней мне было странно слышать разговоры о городе, — писал поэт. — Я даже не представлял, что можно было жить где-то, кроме Марьевки. Она и ныне стоит на высоком берегу древнего русла реки Яя. Под нею — озеро, за озером — заливные луга, за лугами — быстрая пескарёвая река Яя, за рекой — лес и далекий туман...

Уже после смерти Василия Дмитриевича его вдова Лариса Федоровна в той же Марьевке мне рассказывала, что в Москве он практически не занимался литературным творчеством. Отвлекала его бюрократическая суета, беспокойные обязанности секретаря Союза писателей, различные склоки, проблемы, которые ему приходилось разрешать в сложном писательском цехе. И когда это наслаивалось, не давало ему сил больше терпеть, он бросал все столичные дела и мчался в Марьевку.

— Помню, — рассказывала Лариса Федорова, — ехали мы с Васей в лифте после какого-то скандального литературного совещания, он молчит, суров. В такие моменты лучше его не трогать. Потом вдруг как ударит кулаком по стене лифта и говорит: «Сегодня же едем в Марьевку!» А если он так сказал, перечить ему было невозможно...